

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(3)

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.122-133

ЖЕНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АВГУСТИНА БЛАЖЕННОГО

Е.В. Анохина

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, 308015, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию форм женского влияния, представленных в тексте «Исповеди» (“Confessiones”) Августина Аврелия и реализуемых через сферу частной жизни. Анализ исторического контекста показывает, что в позднеантичную эпоху, ключевыми чертами которой выступают континуитет и транзитивность, наблюдается сосуществование античной и христианской традиций, более того, нормой выступает переплетение данных элементов в ментальности отдельно взятой личности. На основе анализа гендерно-окрашенных выражений, употребляемых Августином Блаженным, сделан вывод о сохранении в его сознании античных представлений о феминности/маскулинности, в том числе о необходимости подчинения физически и эмоционально несовершеннолетних женщин более сильным мужчинам. В то же время подчеркнут дуализм мышления, свойственный Августину как представителю Поздней Античности, ставящему религиозный фактор выше гендерного, а жену-христианку выше мужа-язычника. Выделены основные типы влияния, оказываемого женщинами на представителей мужского пола в соответствии с установленными инструментами такого влияния: эмоциональным воздействием и сексуальной привязанностью. В заключении отмечено, что данная Августином оценка женского влияния коррелирует с его гендерными представлениями, а также с исповедуемыми им моральными принципами.

Ключевые слова: гендер, феминность, влияние, брак, Поздняя Античность, Августин Блаженный

На сегодняшний день гендерный подход становится одним из самых востребованных междисциплинарных подходов в сфере гуманитарного знания. С одной стороны, это связано с изменяющейся ролью женщин в управлении общественно-политическими процессами: они всё чаще занимают руководящие должности в политических партиях и на крупных предприятиях, создают и поддерживают общественные организации, направленные на популяризацию идей феминизма. С другой стороны, следует отметить изменения в восприятии самой гендерной системы, которая, по замечаниям современных исследователей, представляет собой не что иное, как систему власти. Следовательно, в гендерном анализе проблема доминирования выходит на первый план, а аспект влияния может рассматриваться в отношениях не только между руководителем и подчиненным,

но и между мужем и женой. Переосмысление роли женщин в обозначенном ключе, актуализация гендерного подхода ориентируют исследователей на соответствующий анализ исторического материала. Перспективным в этом плане представляется период Поздней Античности, характеризующийся сложностью политических и социальных связей различного рода, включая взаимодействие между полами.

Изучение женского влияния в частной сфере жизни позднелатинского общества возможно на основании текстов Августина Блаженного – одного из самых авторитетных христианских деятелей рассматриваемой эпохи. Несмотря на обширную историографию, посвященную выдающемуся позднеантичному автору [1–4], гендерные аспекты его трудов как в российском, так и в зарубежном антиковедении остаются недостаточно исследованными. Большинство ученых обращались к текстам Аврелия Августина как к одному из источников транзитивного периода, намереваясь продемонстрировать трансформацию религиозных, поведенческих, семейных установок жителей латинского Запада, в том числе женщин [5–7]. Однако вопросы гендерного взаимодействия, представления о феминности и маскулинности, отношения господства и подчинения между полами практически не включались в проблемное поле исследований.

Как известно, христианское вероучение провозгласило идею всеобщего равенства людей перед Богом, в том числе в гендерном отношении: «Нет разницы между иудеем и язычником, между рабом и свободным человеком, между мужчиной и женщиной, потому что все едины во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Однако, по мнению А. Арьява, в целом позднелатинское общество унаследовало античную концепцию восприятия полов, согласно которой женщины представляют более слабую форму человечества [8, р. 231]. Суть данной концепции, истоки которой корнями уходят в труды греческих философов, заключается в подчеркивании анатомической, физиологической и психологической неполноценности представительниц женского пола [9, с. 76]. Как указывает Д. Сисса, в изложении Аристотеля женщины обладали в физическом отношении менее сильным, а потому несовершенно телом, Платон подчеркивал отсутствие у них таких важных «мужских» добродетелей, как воинственность и отвага, объясняя тем самым невозможность выполнения женщинами обязанностей по руководству и управлению [9, с. 104].

Своеобразие периода Поздней Античности во многом определяется понятием континуитета, суть которого – в подчеркивании непрерывности развития: одни классические традиции безвозвратно уходят в прошлое, другие, пройдя через определенные этапы трансформации, продолжают существовать, формируя новое культурное пространство и обеспечивая преемственность между античной и средневековой эпохами [10, с. 14]. Ментальность позднеантичного человека, выросшего в условиях классической системы образования и воспитания, несмотря на все политические и социокультурные перемены, характеризуется следованием римскому жизненному укладу и римским ценностным ориентирам. Даже поверхностного взгляда достаточно, чтобы убедиться: в произведениях позднеимперского времени присутствуют элементы античности, проявляющиеся как во внешнем оформлении текстов (выбор жанров, стилистических приемов), так и в содержательном наполнении, обусловленном использованием античных тем и сюжетов (см. подробнее [5, 11, 12]).

Другой определяющей чертой позднеантичной эпохи выступает транзитивность, то есть переходность при взаимовлиянии и взаимопроникновении различных элементов культуры [13]. По мнению исследователей, как античные, так и христианские проявления достаточно редко встречаются у позднеримских авторов в первозданном виде, гораздо чаще они существуют в причудливом переплетении, образуя новую нетипичную картину мира – еще не чисто христианскую, но уже не вполне античную. Е.В. Литовченко выделяет несколько типов сосуществования языческих и христианских элементов в ментальности представителей позднеантичной эпохи: одни авторы, являясь приверженцами христианства только внешне, активно апеллируют к традициям прошлого для выражения собственных идей (тип пассивно-эклетический), другие, будучи убежденными христианами, обращаются к элементам античности только как к культурному наследию, не несущему идеологической опасности (тип уважительно-снисходительный). Для ряда христианских апологетов, в том числе Августина, характерен контрастно-нигилистический тип, предполагающий утверждение новых жизненных принципов при условии разрыва со старыми, однако даже в этом случае, как указывает автор, наблюдается определенная «живость» античной традиции в умонастроениях позднелатинской интеллектуальной элиты [14, с. 19].

Складывание личности Аврелия Августина происходило в условиях сохраняющегося влияния античности, реализуемого в различных формах. В первую очередь, нельзя не отметить место, где появился на свет будущий епископ, – Тагаст, муниципий на севере Африки, общество которого было крайне неоднородным в религиозном отношении: помимо христиан и язычников в данном регионе также проживали представители различных сект и движений, что формировало совершенно особый культурный фон [1, с. 17]. Кроме того, на систему взглядов Августина, вероятно, повлияло и полученное им риторическое образование, которое в позднеантичный период становится своего рода транслятором элементов античной культуры, создавая особый «кодекс» поведения для представителей интеллектуальной элиты. Специфической чертой классической традиции в позднеантичную эпоху выступает также неоплатонизм [12, с. 109], идеи которого были близки Августину в определенный период и оказали влияние на формирование мировоззрения будущего епископа.

Выбор в пользу христианской религии, сделанный Августином, по замечаниям исследователей, обусловлен не материальными (стремление к славе либо к улучшению социального положения), а скорее духовными причинами, что, на наш взгляд, указывает на большую степень осознанности при принятии решения. И. Мейендорф обращение Августина связывает с ситуацией духовного поиска: ни одно из исповедуемых ранее течений, в том числе манихейство, вобравшее в себя идеи христианства и ряда восточных религий, не смогло дать удовлетворительных ответов на волновавшие Августина философские вопросы [15, с. 244]. Г. Чедвик называет крещение Августина кульминацией моральной и интеллектуальной борьбы, подчеркивая, что ментальный переворот, предполагающий смену античных парадигм мышления христианскими (см. [16]), произошел не одновременно, однако со временем Августин полностью повернул свою волю в направлении христианства [2, р. 29–30].

Отмечая отказ Аврелия Августина от прежних жизненных принципов, а затем и его становление в качестве одного из главных христианских апологетов, мы не можем не заметить, что элементы античной традиции, заложенные в мировоззрение с раннего детства, продолжают существовать в сознании епископа. Так, очевидно, что в представлениях Августина о феминности/маскулинности проявляются античные стереотипы. Рассуждая о моральных качествах своей матери Моники, Августин указывает, что она совмещала «с женской повадкой мужскую веру» (Исп. 9. IV. 8). Видимо, в восприятии автора, истинная религиозность присуща скорее мужчинам, так как должна сочетать в себе маскулинные черты: упорство, настойчивость и глубокую убежденность. Феминными же, по замечанию Т.Б. Рябовой, традиционно считаются противоположные характеристики: эмоциональная нестабильность, податливость и внушаемость [17, с. 8]. По этой причине римлянки в позднеантичную эпоху даже подверглись официальному запрету выступать от чьего-либо имени в судебных заседаниях: «...В то время женщин считали легкомысленными и ветреными, поэтому они не могли выступать в роли истца, давать свидетельские показания или каким-либо образом влиять на решение вопросов, имеющих отношение к судебной системе»¹ (цит. по [8, р. 235]; см. также (СТ 9. 24. 1)). Данный тезис находит подтверждение и в других фрагментах. Передавая содержание религиозной речи своей матери «о презрении к этой жизни и о благе смерти», Августин отмечает, как его товарищи «пришли в изумление перед мужеством женщины...» (Исп. 9. XI. 28), видимо не ожидая от представительницы «слабого пола» подобной решимости и твердости в вере.

Разница в восприятии гендеров проявляется также в отношении к слову, исходящему из уст мужчины и женщины. Взывая к Богу, Августин отмечает: «Ты позволил человеку догадываться о себе по другим... полагаясь даже на свидетельство простых женщин» (Исп. 1. VI. 10). Свидетельство женщин, очевидно, заслуживает меньшего доверия, чем свидетельство мужчин.

Кроме того, повествуя о попытках Моники уберечь сына от распутного образа жизни, Августин Блаженный отмечает: «Это казалось мне женскими уговорами; мне стыдно было их слушаться. А на самом деле они были Твоими, но я не знал этого и думал, что Ты молчишь, а говорит моя мать» (Исп. 2. III. 7). На основании данного замечания можно предположить, что проблема заключается не в сути высказываемого Моникой мнения, а именно в том, что его автором выступает женщина. Если бы подобные уговоры исходили от представителя мужского пола, возможно, автор воспринял бы их иначе. Вероятно, умение логично мыслить и рассуждать, в соответствии с классической традицией, не воспринималось как черта, присущая женщинам [18, с. 83], следовательно, стереотипность мышления позднеантичного человека препятствовала восприятию женских советов, априори объявляя их несостоятельными.

Но не только рассмотренные выше представления о феминности и маскулинности повлияли на сохранение античной модели восприятия отношений господства и подчинения, когда женщина полностью подчинена мужчине ввиду своей слабости и несамостоятельности – сама идея подчиненности одного пола другому присутствует и в христианском учении. Августин, признавая равнозначность

¹ Перевод наш. – Е.А.

женской и мужской природы, все же демонстрирует убежденность в необходимости следования женщины за мужчиной: «И как в его [человека] душе одна сторона рассуждает и приказывает, а другая повинуетя и подчиняется, так создана телесно для мужа и женщина; природа ее по разуму и пониманию равна его природе, но по своему полу женщина подчинена полу мужскому, подобно тому, как желание действовать осуществляется по указанию разума, как действовать правильно» (Исп. 13. XXXII. 47). Указание на тот факт, что мужчина в большей степени ассоциируется с рефлексией и рациональностью, а женщина – с реальными действиями и исполнительностью, встречается не единожды и служит в качестве обоснования господства представителей мужского пола: «Разум... Ты обновил по образу и подобию Твоему, подчинил, как женщину мужчине, деятельность руководству ума...» (Исп. 13. XXXIV. 49).

Переплетение античной и христианской традиций приводит к тому, что полная подчиненность женщины в восприятии автора выступает безоговорочной нормой выстраивания взаимоотношений внутри семьи. Об этом свидетельствует приведенное обращение Моники к другим матронам: «...С той минуты, как они услышали чтение брачного контракта, должны они считать его документом, превратившим их в служанок; памятуя о своем положении, не должны они заноситься перед своими господами» (Исп. 9. IX. 19). И всё-таки Августин указывает на возможность превосходства, в первую очередь морально-нравственного, отдельных представительниц женского пола над своими мужьями. Речь идет, по выражению М. Зальцман, о «смешанных браках», в которых жена исповедовала христианскую религию, а ее супруг по-прежнему оставался язычником [6, р. 151]. В этом суждении проявляется двойственность мышления позднеантичного человека: признавая главенство мужчины в соответствии с античной идеей, автор, будучи христианином, ставит религиозную принадлежность выше гендерных стереотипов и высказывает сомнение в справедливости подчинения христианки язычнику: «Итак, я уже верил, верила моя мать и весь дом, кроме отца... Мать постаралась, чтобы отцом моим был скорее Ты, Господи, чем он, и Ты помог ей взять в этом верх над мужем, которому она, превосходя его, подчинялась...» (Исп. 1. XI. 17).

Тем не менее, несмотря на обозначенное господство мужчин в пределах семьи, брак зачастую с их стороны воспринимается как ограничение, не позволяющее заниматься определенной деятельностью, в первую очередь научными, философскими изысканиями. Аврелий Августин прямо называет брачный союз «колodками», которые могут помешать осуществиться его надеждам «на успехи в науках» (Исп. 2. III. 8). Подобные опасения относительно женитьбы высказывал и Алипий – близкий друг молодого Августина [1, с. 74]. Он «упорно твердил, что если я женюсь, то мы никоим образом не сможем жить вместе, в покое и досуге, в любви к мудрости, согласно нашему давнишнему желанию» (Исп. 6. XII. 21).

Указание на тот факт, что супружество может существовать в качестве равнозначного союза, в котором муж и жена оказывают друг другу всяческую поддержку, в том числе в интеллектуальной деятельности, встречается в тексте Августина лишь однажды: «Следует мне найти жену хоть с небольшими средствами, чтобы не увеличивать своих расходов. Вот и предел моих желаний. Много великих и достойных подражания мужей вместе с женами предавались изучению мудрости» (Исп. 6. XI. 19).

Подобное, несколько пренебрежительное отношение к браку объясняется прагматическими интересами представителей мужского пола, которые сохраняли свою актуальность на протяжении всего существования Римской империи. По замечанию И.Е. Лапшина, римлянин, имевший определенные общественные амбиции и намеревавшийся подняться как можно выше по социальной лестнице, женился довольно поздно и воспринимал брак в первую очередь как социальное подспорье, а не как союз, обладающий какой-либо самостоятельной ценностью. К числу таких амбициозных молодых людей можно отнести и Августина [7, с. 69].

В то же время причина подобного отношения к браку может быть связана с возникновением раннехристианского идеала аскетизма, несколько принижающего «мирское» христианство. Апостол Павел особо подчеркивал, что желает для всех людей безбрачия, «но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе. Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я» (1 Кор. 7:7-8). П.А. Карпачев по этому поводу замечает, что в христианском движении первых веков нашей эры значительную роль приобрел мотив подражания Христу, предполагающий среди прочего отказ от «жизни по плоти». Образ жизни Христа, выбранный аскетами, противопоставлялся образу жизни обычного человека, не способного отречься от определенного рода наслаждений, и представлялся предпочтительным [19, с. 129].

Кроме того, указывая на некоторые ограничения, ожидающие мужчину в супружеской жизни, Аврелий Августин, возможно, учитывал, что в действительности женщины не выступали существами совершенно бесправными и не позиционировали себя в качестве служанок по отношению к мужьям. Напротив, женщины обладали определенными механизмами воздействия на супругов. Так, всеерьез вдохновившись идеей создать своего рода научное общество и даже проработав его устройство, в основе которого – объединение имущества всех участников, Августин и компания в итоге вынуждены были отказаться от осуществления своих намерений, задумавшись, «допустят ли это женушки, которыми одни из нас обзавелись, а я хотел обзавестись. После этого весь план наш, так хорошо разработанный, рассыпался прахом...» (Исп. 6. XIV. 24).

Как отмечает К. Купер, традиционно в римском обществе сосуществовали положительная и отрицательная модели женского влияния. В положительной версии подразумеваются законные отношения мужчин с женщинами – членами семьи, чье успокаивающее воздействие могло восстановить порядок в семье в целом, а также воззвать к голосу разума мужчины, когда он сбился с истинного пути [20, р. 153]. Повествуя о домашних ссорах, сопутствующих семейной жизни, Августин прямо называет свою мать «умиротворительницей», которая занималась урегулированием возникающих конфликтов: выслушав «взаимные, многочисленные и горькие попреки», она сообщала каждой из конфликтующих сторон «только то, что содействовало примирению обеих» (Исп. 9. IX. 21). Моника, как указывает автор, даже «одержала победу» над своей свекровью, когда «нашептывания дурных служанок сначала восстановили против нее свекровь», однако затем «та сама пожаловалась сыну на сплетни служанок, нарушавших в доме мир между ней и невесткой, и потребовала для них наказания» (Исп. 9. IX. 20). Аврелий Августин особо выделяет качества, которыми, по его мнению, должна обладать женщина,

чтобы оказывать подобное умиротворяющее воздействие на членов семьи – «услужливостью, неизменным терпением и кротостью» (Исп. 9. IX. 20).

Наряду с указанными в произведениях Августина прослеживается следующая идея: женщина способна повлиять на христианизацию окружающих ее людей. Еще апостол Павел указывал, что «неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы» (1 Кор. 7:14), утверждая тем самым, что супруги и дети будут спасены через их семейные отношения. При этом он не уточнил, как именно это спасение будет происходить, и не советовал активно обращаться своих супругов для его достижения. По мнению М. Зальцман, некоторые пылкие христианки наверняка предпринимали достаточно активные попытки обращения мужей, Моника же вела себя иначе: именно тихая молитва и ее кротость и терпение в отношениях с мужем-язычником повлияли как на принятие им христианства, так и на последовавшую за этим трансформацию его личностных качеств [6, р. 153]. Она «служила ему, как господину, и старалась приобрести его для Тебя. О Тебе говорила ему вся статья ее, делавшая ее прекрасной для мужа: он ее уважал, любил и удивлялся ей» (Исп. 9. IX. 19). «И вот, наконец, приобрела она Тебе своего мужа напоследок дней его; от него, христианина, она уже не плакала над тем, что терпела от него, нехристианина» (Исп. 9. IX. 22). В качестве указания, что женское влияние теоретически способно привести к такому результату, служат также рассуждения Августина о его собственной женитьбе: «...Особенно хлопотала здесь моя мать, рассчитывая, что, женившись, я омоюсь спасительным Крещением...» (Исп. 6. XIII. 23). Более того, в отечественной историографии укоренилось мнение, что обращение в христианскую веру самого Аврелия Августина состоялось под непосредственным влиянием его матери, которое, как указывает И.Ф. Мейендорф, оставалось достаточно сильным вплоть до ее смерти [15, с. 245]. Т.В. Епифанова также подчеркивает, что Моника приложила значительные усилия для воспитания своего сына в духе христианства [4, с. 7], а Ю.А. Ерохина отмечает особую роль этой женщины в формировании взглядов будущего епископа [3, с. 9].

Другой тип женского влияния, когда женщина предстает в роли соблазнительницы, как отмечает К. Купер, носит в большей степени разрушающий характер [20, р. 153]. Примеры подобного влияния также встречаются у Августина, и механизмом его реализации выступает сексуальная привязанность. Аврелий Августин пишет о существовании подобной привязанности, «гнавшей» его «во власть жены» (Исп. 6. XV. 25), как о причине своих жизненных неудач: «Но еще цепко оплела меня женщина. <...> Это было единственной причиной, почему и в остальном я бессильно катился по течению...» (Исп. 8. I. 2). Безусловно, при анализе данных фрагментов следует учитывать, что, вероятно, автор не перекладывает ответственность за решения, которые привели к негативным для него последствиям, на женщину и силу ее воздействия. Как отмечает П. Браун, за те тринадцать лет, что Августин состоял в интимной связи с представительницей женского пола, вокруг его воли сформировалась цепь привычек и биологических потребностей, которыми он оказался крепко связан и одновременно тяготился ими [21, р. 393]. Возможно и другое объяснение: следуя христианской традиции, Аврелий Августин указывает, что однажды совершенный грех прелюбодеяния

перерастает в болезнь души, которая сопровождает его на протяжении длительного периода времени, провоцируя проявление и других пороков [22, с. 263]. Хотя из текстов Августина до конца не ясно, использовалась ли сексуальная власть представительницами прекрасного пола для достижения собственных целей, сам факт ее существования признается.

Таким образом, проанализировав представления Августина Блаженного об отношениях господства и подчинения в семье, мы пришли к следующим выводам.

В позднеримскую эпоху, основными характеристиками которой исследователи называют континуитет (преемственность) и транзитивность (переходность), наблюдается сосуществование античной и христианской традиций, более того, нормой выступает переплетение данных элементов в ментальности отдельно взятого индивида. К числу таких индивидов следует отнести и Августина, который, получив классическое римское воспитание и образование, сохранил в мышлении следы античности даже после осознанного обращения в христианство и принятия сана епископа, а также неизбежно последовавшей за этим смены мировоззренческих установок.

Так, несмотря на провозглашенное христианским учением гендерное равенство, в сознании Августина продолжали существовать античные представления о феминности и маскулинности, согласно которым женщины уступают мужчинам как в психологических, так и в физиологических характеристиках. В текстах епископа Гиппонского под феминностью подразумевались эмоциональная нестабильность, податливость, внушаемость, а демонстрация женщинами маскулинных черт: решительности и настойчивости – воспринималась как некое отклонение от заданной нормы. Кроме того, присутствуют указания на меньшую ценность женских свидетельств и советов, что, на наш взгляд, объясняется сохраняющейся стереотипностью мышления, а именно особенностями восприятия женщин как существ непостоянных, легкомысленных и неспособных рассуждать логически.

Рациональность мужчин, присущая им способность разумно мыслить выступают в качестве критерия, обосновывающего господство над женщинами, чей удел – качественно выполнять поступающие от представителей мужского пола указания. Справедливость подчиненного положения женщин поставлена под сомнение только в случаях «смешанных браков», когда христианка вынуждена пребывать в полном послушании у своего мужа – язычника, в чем проявляется дуализм мышления позднеантичного человека, вызванный сосуществованием античной и христианской парадигм. С одной стороны, мы отмечаем преемственность представлений о феминности/маскулинности и принятие автором идеи о подчиненности женского пола мужскому, с другой – подчеркивание им главенства религиозного фактора над гендерным.

Между тем в текстах Августина, вопреки обозначенной внутрисемейной вертикали господства/подчинения, брак в восприятии самих мужчин зачастую ассоциируется с ограничениями, а не с доминированием. Такое отношение могло быть обусловлено несколькими факторами. Во-первых, сохраняющимися амбициозными интересами молодых римлян, ставивших на первое место в системе ценностей продвижение вверх по карьерной лестнице. Во-вторых, появлением христианского идеала аскетизма, согласно которому безбрачие представляется предпочтительным ввиду большего соответствия образу жизни Иисуса Христа.

В-третьих, идеей о том, что, находясь в браке, мужчина в значительной степени подвержен влиянию со стороны женщин.

По мнению исследователей, в римском обществе существовали две модели частного женского влияния. В рамках положительной женщина, проявляя такие феминные качества, как кротость и терпение, оказывает умиротворяющее воздействие как на мужчину, с которым связана законными отношениями, так и на остальных членов семьи. Особо здесь следует отметить влияние на процесс христианизации родственников. При отрицательной модели влияние представительницы женского пола, основанное на сексуальной привязанности, приводило к негативным для мужчины последствиям. Из текста Августина до конца не ясно, для достижения каких целей женщины могли прибегать к использованию такого механизма влияния; в настоящее время существуют две точки зрения по поводу его оценок позднеантичным автором. В соответствии с первой, Августин, указывая на разрушительный характер воздействия, учитывает формирование вокруг своей воли цепочки привычек и физиологических потребностей, вызванных многолетней интимной связью с женщиной. Согласно второй, отрицательная оценка объясняется тем, что Августин исходил из принципов христианской морали и проповедуемого в христианстве понимания греха, в данном случае греха прелюбодеяния, как продолжающейся болезни души, провоцирующей проявление и других пороков.

Итак, анализ текста «Исповеди» позволяет установить, что женское влияние, являвшееся частью социальной коммуникации позднеантичного общества, реализовывалось в межличностной среде посредством различных механизмов. При этом представления Августина Блаженного об особенностях гендерной системы отношений господства и подчинения в полной мере отражают двойственность сознания, свойственную представителям переходной эпохи.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00284.

Источники

- Исп. – *Августин Аврелий*. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеенко; вступ. ст. диак. А. Гумерова. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. – 320 с.
- 1 Кор. – Новый Завет: Первое послание ап. Павла к Коринфянам // Библия. – М.: РБО, 2011. – С. 1227–1239.
- Гал. – Новый Завет: Послание ап. Павла к Галатам // Библия. – М.: РБО, 2011. – С. 1249–1253.
- СТ – *The Theodosian code and novels, and the Sirmondian constitutions* / С. Pharr, T.Sh. Davidson, M.B. Pharr. – Union: Lawbook Exchange, 2001. – xxvi, 643 p.

Литература

1. *Кремона К.* Августин из Гиппона. Разум и вера. – М.: Дочери св. Павла, 1995. – 305 с.
2. *Chadwick H.* Augustine of Hippo: A Life. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. – 208 p.
3. *Ерохина Ю.А.* Исторические взгляды Августина: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2000. – 25 с.

4. *Епифанова Т.В.* Человек, общество и государство в историко-религиозном учении Августина Блаженного: Дис. ... канд. ист. наук. – Владимир, 2002. – 221 с.
5. *Brown P.* Augustine of Hippo. – N. Y.: Dorset Press, 1986. – 470 p.
6. *Salzman M.R.* The Making of a Christian Aristocracy. Social and Religious Change in the Western Roman Empire. – Cambridge, USA; London: Harvard Univ. Press, 2004. – 369 p.
7. *Латишин И.Е.* Эстетика брака в учении Блаженного Августина // Сервис в России и за рубежом. – 2013. – № 4. – С. 66–72.
8. *Arjava A.* Women and Law in Late Antiquity. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 304 p.
9. *Сисса Д.* Философия пола Платона и Аристотеля // История женщин на Западе: от древних богинь до христианских святых: в 5 т. – СПб.: Алетейя, 2005. – Т. 1. – С. 71–108.
10. *Болгов Н.Н.* Поздняя Античность: история и культура. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2009. – 88 с.
11. *Clark M.T.* Augustine. – N. Y.: Georgetown Univ. Press, 1994. – 136 p.
12. *Литовченко Е.В.* Классическая традиция в ментальности позднеантичных интеллектуалов латинского Запада // Кондаковские чтения II. Проблемы культурно-исторических эпох: Материалы 2-й Междунар. науч. конф. – Белгород: Белгор. гос. ун-т, 2008. – С. 109–112.
13. *Литовченко Е.В.* Классическая и христианская традиции в ментальности позднеантичных интеллектуалов // Электрон. науч.-образов. журн. «История» – 2012. – Т. 3, Вып. 1. – URL: <https://history.jes.su/s207987840000292-0-2/>.
14. *Литовченко Е.В.* Классическая традиция в трудах позднеантичных интеллектуалов: конец IV – начало VI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тула, 2007. – 22 с.
15. *Мейендорф И.Ф.* Введение в святоотеческое богословие. – Минск: Лучи Софии, 2007. – 360 с.
16. *Евтухов И.О.* Концепция человека поздней античности: (Запад Римской империи, V в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 1991. – 19 с.
17. *Рябова Т.Б.* Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. – Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2001. – № 3–4. – С. 3–12.
18. *Кипервар Е.А., Севелова М.А.* Предпосылки зарождения представлений о гендере в античной философии // Омск. науч. вестн. – 2012. – № 3. – С. 82–84.
19. *Карпачев П.А.* Аскетическая традиция в христианстве до появления монашества // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ. Гуманит. и общест. науки. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 126–133.
20. *Cooper K.* Insinuations of womanly influence: An aspect of the Christianization of the Roman aristocracy // J. Roman Stud. – 1992. – V. 82. – P. 150–164. – doi: 10.2307/301289.
21. *Brown P.* The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1988. – 478 p.
22. *Васильев В.А., Лобов Д.В.* Августин о добре, зле, добродетели // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 5. – С. 255–266.

Поступила в редакцию
10.01.2022

Анохина Елизавета Витальевна, аспирант кафедры всеобщей истории

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: Anokhina-ElizavetaV@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.122-133

**Women's Influence on the Private Life of Society in Late Antiquity
According to Saint Augustine***E.V. Anokhina**Belgorod State National Research University, Belgorod, 308015 Russia*E-mail: *Anokhina-ElizavetaV@yandex.ru*

Received January 10, 2022

Abstract

This article considers the forms of women's influence in Saint Augustine's "Confessiones" that are realized through the sphere of private life. The analysis of the historical context revealed that Late Antiquity, characterized by continuity and transitivity, was marked by a coexistence of the ancient and Christian traditions. Interestingly, it was natural that these traditions became intertwined in the mindset of a person. The gender-marked expressions used by Saint Augustine were studied, and the conclusion was made that he appears to more stick to the ancient ideas about femininity/masculinity, including the belief that women, who were perceived as physically and emotionally imperfect, must be placed under the control of men, i.e., they should obey stronger persons. Simultaneously, the dualism of Saint Augustine's thinking was noted: he was a striking representative of Late Antiquity, thus he placed religion above gender and the Christian wife above her pagan husband. The main types of influence exerted by women on men were highlighted in accordance with the established instruments of such influence: emotional impact and sexual attachment. From the results obtained, it was summed up that the views of Saint Augustine on women's influence correlate with his gender-related ideas, as well as with his moral principles.

Keywords: gender, femininity, influence, marriage, Late Antiquity, Saint Augustine

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 22-28-00284).

References

1. Cremona C. *Avgustin iz Gippona. Razum i vera* [Augustine of Hippo. Reason and Faith]. Moscow, Docheri sv. Pavla, 1995. 305 p. (In Russian)
2. Chadwick H. *Augustine of Hippo: A Life*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2009. 208 p.
3. Erokhina Yu.A. Augustine's historical views. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Kazan, 2000. 25 p. (In Russian)
4. Epifanova T.V. Man, society, and state in Saint Augustine's historical and religious doctrine. *Cand. Hist. Diss.* Vladimir, 2002. 221 p. (In Russian)
5. Brown P. *Augustine of Hippo*. New York, Dorset Press, 1986. 470 p.
6. Salzman M.R. *The Making of a Christian Aristocracy. Social and Religious Change in the Western Roman Empire*. Cambridge, USA; London, Harvard Univ. Press, 2004. 369 p.
7. Lapshin I.E. Marriage aesthetics in Saint Augustine's doctrine. *Servis v Rossii i Za Rubezhom*, 2013, no. 4, pp. 66–72. (In Russian)
8. Arjava A. *Women and Law in Late Antiquity*. Oxford, Slarendon Press, 1996. 304 p.
9. Sissa G. The sexual philosophies of Plato and Aristotle. In: *Istoriya zhenshchin na Zapade: ot drevnikh bogin' do khristianskikh svyatykh* [A History of Women in the West: From Ancient Goddesses to Christian Saints]. Vol. 1. St. Petersburg, Aleteiya, 2005, pp. 71–108. (In Russian)

10. Bolgov N.N. *Pozdnyaya Antichnost': istoriya i kul'tura* [Late Antiquity: History and Culture]. Belgorod, Izd. Belgorod. Gos. Univ., 2009. 88 p. (In Russian)
11. Clark M.T. *Augustine*. New York, Georgetown Univ. Press, 1994. 136 p.
12. Litovchenko E.V. The classical tradition in the mindset of the Late Antiquity intellectuals of the Latin West. *Kondakovskie chteniya II. Problemy kul'turno-istoricheskikh epokh: Materialy 2-i Mezhdunar. nauch. konf.* [Kondakov Lectures II. Problems of Cultural and Historical Eras: Proc. 2nd Int. Sci. Conf.]. Belgorod, Belgorod. Gos. Univ., 2008, pp. 109–112. (In Russian)
13. Litovchenko E.V. The classical and Christian tradition in the mentality of Late Antiquity's intellectuals. *Istoriya*, 2012, vol. 3, no. 1. Available at: <https://history.jes.su/s207987840000292-0-2/>. (In Russian)
14. Litovchenko E.V. The classical tradition in the writings of Late Roman intellectuals: Late 4th–early 6th centuries. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Tula, 2007. 22 p. (In Russian)
15. Meyendorff J. *Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie* [Introduction to Patristic Theology]. Minsk, Luchi Sofii, 2007. 360 p. (In Russian)
16. Evtukhov I.O. The concept of man in the Late Antiquity: (West of the Roman Empire, 5th century AD). *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Minsk, 1991. 19 p. (In Russian)
17. Ryabova T.B. Gender stereotypes and gender stereotyping: Methodological approaches. *Zhenshchina v Rossiiskom Obshchestve*. Ivanovo, Ivanov. Gos. Univ., 2001, nos. 3–4, pp. 3–12. (In Russian)
18. Kipervar E.A., Sevelova M.A. Prerequisites for the emergence of ideas about gender in ancient philosophy. *Omskii Nauchnyi Vestnik*, 2012, no. 3, pp. 82–84. (In Russian)
19. Korpachev P.A. Christian ascetic tradition prior to the emergence of monasticism. *Nauchno-Tekhnicheskie Vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i Obshchestvennye Nauki*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 126–133. (In Russian)
20. Cooper K. Insinuations of womanly influence: An aspect of the Christianization of the Roman aristocracy. *Journal of Roman Studies*, 1992, vol. 82, pp. 150–164. doi: 10.2307/301289.
21. Brown P. *The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. New York, Columbia Univ. Press, 1988. 478 p.
22. Vasil'ev V.A., Lobov D.V. Augustine on good, evil, and virtue. *Sotsial'no-Gumanitarnye Znaniya*, 2008, no. 5, pp. 255–266. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Анохина Е.В. Женское влияние в частной жизни позднеантичного общества в представлениях Августина Блаженного // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 3. – С. 122–133. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.122-133. ⟩

⟨ **For citation:** Anokhina E.V. Women's influence on the private life of society in Late Antiquity according to Saint Augustine. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 3, pp. 122–133. doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.122-133. (In Russian) ⟩